

объятные для одного человека, заключены в произведениях письменности; другие же, гораздо менее обширные, существуют в психике людей, а именно: в речевых произведениях или отрезках речи, отложенных в их памяти.

Надо признать, что семантика слов и грамматических форм в различных языках, пожалуй, чаще всего (это зависит от степени родства языков) в чем-нибудь различается.

Бывает так, что в двух языках соответствующие слова, обозначая одно и то же понятие, сходятся даже по своей внутренней форме, но все же слова эти оказываются различными из-за различия их сочетаемости. Так; например, русскому слову *кусочек* соответствует в немецком языке как по лексическому, так и по этимологическому значениям слово *bisschen*. Однако их употребление неодинаково, потому что русское слово сочетается только с названиями твердых предметов, в то время как немецкое *bisschen* сочетается с любым словом (*ein bisschen Wasser* = *кусочек воды*, *ein bisschen Geduld* = *кусочек терпения*). Ограничение диапазона употребления слова (ограничение его сочетаемости) имеет свои особые причины, на которых мы не останавливаемся. Для нас здесь важно только отметить, что ограничение сочетаемости может быть связано с лексической дифференциацией одного и того же понятия (*кусочек сахара*, *капля воды*, *немного радости*), которая отражает конкретное осмысливание малого количества. Но язык не навязывает человеку такое осмысливание; это видно из того, что в случае необходимости он предоставляет человеку средства для обобщенного осмысливания (ср.: *немного сахара*, *немного воды*, *немного радости*). Анализ различных случаев расхождения семантики слов в разных языках убеждает нас в том, что это расхождение не является расхождением мышления. То же самое относится и к грамматическим формам (и даже в еще большей мере вследствие высокой степени их абстрактности).

Такие специфические особенности языков говорят не о различном осмысливании людьми действительности, а только о различном оформлении и этого осмысливания средствами языка. Все эти внутренние особенности языков, названные К. Марксом «духом» языка¹, связаны с мышлением, но не составляют его содержания.

А. П. Дульзон

КОНВЕРСИЯ В СОВРЕМЕННОМ МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКЕ

Словарный состав языка находится в процессе непрерывного движения. Одни слова появляются, другие исчезают. В результате непрерывного изменения некоторые слова претерпевают ряд фонетических и морфологических преобразований.

Аффиксы как словообразовательные элементы играют одну из главных ролей в обогащении молдавской лексики. Так, посредством суффикса *-tat-e* из прилагательных образуется целый ряд существительных с абстрактным значением (*дрепт* «справедливый» — *дрептате* «справедливость»; *ноу* «новый» — *ноутате* «новость» и др.). Такой способ образования слов является весьма продуктивным в современном молдавском языке. Префикс *дис-*, *диа-* придает некоторым глаголам противоположное значение по сравнению со значением бесприставочного глагола (*а коасе* «шить» — *а дискоасе* «распарывать, отпарывать»; *а компуне* «составлять» — *а дискмпуне* «разлагать на состав-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избр. произведения, т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 212.

ные части» и др.). Иногда и суффиксы, и приставки одновременно, присоединяясь к той или иной основе, образуют новые слова. Ср. образование отлагательного прилагательного *ын-самыц-ат* «засеянный» от существительного *самыц-э* «семя».

Однако морфологические средства не являются единственным путем пополнения словарного состава молдавского языка. Имеются и другие средства словообразования. Довольно часто то или иное слово переходит из одной грамматической категории в другую, не претерпевая при этом никаких морфологических изменений. Такой переход слов из одной части в другую относится к морфолого-синтаксическим способам словообразования и объясняется тем, что в процессе развития грамматического строя языка части речи накапливают все новые и новые грамматические и семантические качества, создающие возможности для новой классификации слов по частям речи. Так, в молдавском языке прилагательное может приобрести лексико-семантическое значение и выполнять синтаксическую функцию существительного или наречия, существительное может переходить в категорию прилагательных, наречий или даже местоимений и т. д. Если прилагательное, приобретая лексико-семантическое значение и выполняя синтаксические функции существительного, переходит в грамматический разряд последнего, то такой процесс называется субстантивацией или субстантивизацией (лат. *substantivum* «существительное»¹). Если же прилагательное или существительное переходит в категорию наречий, то этот процесс называется адвербиализацией (лат. *adverbium* «наречие»). Можно говорить также о прономинализации, вербализации и т. д.

Имеется, однако, и общий термин, который применяется тогда, когда речь идет вообще об этом особом виде словообразования, т. е. когда лексические единицы формируются без использования морфологических словообразовательных элементов в виде суффиксов и префиксов. Таким термином следует считать конверсию (лат. *conversio* «обращение, превращение»), который хотя и не получил еще в лингвистической литературе широкого применения (его употребляют преимущественно в отношении английского языка²), но представляется весьма удобным и точным, так как указывает на определенный, специальный способ словообразования, относящийся к различным частям речи.

Явление конверсии играет значительную роль в обогащении словарного состава языка новыми средствами выражения и образует особый раздел словообразования. Тем не менее, если мы обратимся к различным пособиям не только по молдавскому и румынскому, но и по другим языкам, то нигде не найдем ни постановки указанной проблемы в целом, ни систематического ее изложения. Обычно, когда трактуется та или иная часть речи, вскользь затрагиваются и вопросы возможности ее перехода из одной категории в другую³. В некоторых грамматиках румынского языка этот взаимопереход излагается в специальной главе о словообразовании⁴, однако в них не дается обширного и глубокого изложения этого вопроса.

Задача настоящей статьи дать краткий анализ (на материале молдавского и других романских языков) взаимоотношений существительного, с одной стороны, и прилагательного, глагола и наречия, с другой, с точки зрения их взаимоперехода, учитывая при этом морфологическое оформление, синтаксическую функцию в предложении и лексико-семантическое значение данных частей речи. Мы оставляем в стороне систематическое описание субстантивации, адъективизации, прономинализации, вербализации, адвербиализации и прочих явлений, имеющих довольно широкое распространение в молдавском и других восточнороманских языках. Мы не касаемся также вопроса исторического происхождения этих явлений.

¹ См.: Л. Б. Перльмуттер, Переход прилагательных в существительные, «Р. яз. в шк.», 1948, № 1; А. М. Барзильович, Субстантивация прилагательных в русском языке. Автореф. канд. дисс., Киев, 1952; З. Черепанова, Имена существительные современного русского языка, возникшие благодаря субстантивации имен прилагательных и причастий, «Ученые записки Вологод. под. ин-та», т. 13, 1953; М. Я. Немировский, К вопросу о так называемой субстантивации, сб. «Вопросы славянского языкознания», кн. 3, Львов — Харьков, 1953.

² В. Н. Ярцева, например, употребляет этот термин, ставит его в кавычки и с пометой «так называемый» (см. В. Н. Ярцева, О внутренних законах развития языка..., ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 3, стр. 194). А. П. Смирницкий в первой, специально посвященной этой проблеме статье, в заглавии также снабжает этот термин оговоркой: «Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке» («Ин. яз. в шк.», 1953, № 5, стр. 21); вторую свою статью «По поводу конверсии в английском языке» («Ин. яз. в шк.», 1954, № 3) он озаглавливает без оговорок.

³ См.: A. Philippide, Gramatica elementară a limbii române, Iași, 1897; I. Iordan, Gramatica limbii române, București, [1937] (2-a ed. — 1946); «Gramatica limbii române», vol. I, ed. Akad. R. P. R., București, 1954.

⁴ См.: I. A. Andreă, Cours complet de grammaire roumaine, Bucarest, «Cartea românească», 6. r., стр. 268—275; A. Scriban, Gramatica limbii românești. (Morfologia), Iași, 1925, стр. 164—166.

При определении и выделении той или иной лексической единицы как отдельного слова учитывается прежде всего система сосуществующих, обуславливающих друг друга и функционально объединенных форм¹.

Исходя из общего правила о порядке слов в предложении в молдавском языке, прилагательное как определяющее слово стоит после определяемого существительного. В данном случае прилагательное мужского рода имеет одну форму для единственного числа и другую для множественного, для всех падежей, независимо от того, употреблено ли существительное без артикля, с неопределенным или с определенным артиклем. Ср. прилагательное *болнав* (ед. число), *болнавь* (мн. число).

Прилагательное женского рода имеет также две формы, с той лишь разницей, что одна служит для им.-вин. падежа ед. числа, а другая — общая для род.-дат. падежа ед. числа и для всех падежей мн. числа. Ср. *болнавь* — *болнаве*.

В качестве стилистического приема, для того чтобы выделить особо значение прилагательного, в молдавском (как и в румынском) языке имеется возможность ставить определяющее прилагательное не после определяемого существительного, а перед ним. В данном случае прилагательное изменяется по падежам (*ун болнав*, а *унуй болнав*, *болнавул*, *болнавулуй* и т. д.), а существительное оформляется как прилагательное, когда оно стоит на втором месте, т. е. существительное мужского рода имеет одну форму для ед. числа (*ом*) и другую для мн. числа (*оамень*), а существительное женского рода — одну для им.-вин. падежа ед. числа (*фемее*) и другую — общую для род.-дат. падежа ед. числа и для всего множественного числа (*фемей*).

Возможность такого препозитивного использования прилагательного и послужила, видимо, исходным пунктом для употребления определенной группы прилагательных в качестве существительных. Надо отметить, что нет ни одной формы прилагательного типа *болнав* (ед. число муж. род), *болнавь* (ед. число жен. род), не совпадающей с соответствующими формами этого же слова (*болнав* и т. п.) в качестве существительного. Указанное явление объясняется тем, что такие слова в молдавском языке изменяются при посредстве артикля (неопределенного — проклитического и определенного — энклитического). При склонении артикль изменяется по падежам, родам и числам, а имена (как существительные, так и прилагательные) остаются, собственно говоря, без всяких морфологических изменений. При этом артикль употребляется один раз при слове, которое стоит на первом месте². Вся система сосуществующих морфологических форм в указанном использовании полностью совпадает. Слово *болнав* как прилагательное не имеет никаких особых форм, не совпадающих с формами того же слова *болнав*, использованного как существительное. Совпадает даже и форма обращения, выраженного таким препозитивным прилагательным, хотя оно и не субстантивируется, например: «Ох, дрепуле пэринте, — браминул а распуне» (А. Донич, Браминул) «О, справедливый отец, — ответил брамин».

Положение дел не меняется и в том случае, если имеется необходимость употребить два прилагательных в препозиции. Артикль употребляется все равно только один раз, при первом прилагательном; например: «Весела верде кымине аку-й триста, вештежит» (В. Александри, Сфыршит де тоамнэ) «Веселая зеленая нива теперь приуныла и поблекла».

Прилагательное, будучи оформленным при посредстве определенного артикля, сохраняет свою самостоятельность в отношении своего расположения в предложении. Между определяющим прилагательным и определяемым существительным могут стоять и другие слова (притяжательные местоимения и т. д.), например: «Стропя ку судоаре, Микул сэу огор» (В. Александри, Моара де вынт) «Потом обливал он свою небольшую пиву».

Учитывая указанное совпадение сосуществующих форм, можно ли говорить о том, что мы имеем дело в данном случае с одним и тем же словом, т. е. можем ли мы отождествить *болнав* как прилагательное и *болнав* как существительное?³ Конечно, нет. Слово оформляется не только морфологически, но и синтаксически. Кроме того,

¹ См. В. В. Виноградов, О формах слова, ИАН ОЛЯ, 1944, вып. 1, стр. 36.

² Оформление обоих компонентов словосочетания, как, например, *юбитул кастелу меу* «мой любимый дворец» (К. Стамати, Уаниц и бабочке., сб. «Поэзия Молдавии», Кишинев, 1954, стр. 12, [на молдав. яз.]) не соответствует молдавским синтаксическим правилам. Видимо, здесь графическая ошибка; должно быть *юбитул кастел эл меу* или же *юбитул, кастелу меу*.

³ Рассматривая очень близкие по своей морфологической форме прилагательное *худой* и наречие *худо*, акад. Л. В. Щерба писал: «...такие слова, как *худой* и *худо*, мы очень склонны считать формами одного слова, и только одинаковой функций слов типа *худо* со словами вроде *экось*, *наизусть* и т. д. и отсутствие параллельных этим последним прилагательных создают особую категорию наречий и до некоторой степени отделяют *худо* от *худой*» (Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке, сб. «Русская речь», Новая серия, II, Л., 1928, стр. 19).

различают слова и распределяют их по частям речи, исходя также из лексико-семантического значения данной лексической единицы.

Для того чтобы отличить прилагательное *больна́я* от существительного *больна́я*, следует учитывать лексико-семантические особенности и синтаксическую функцию данных слов¹. В примере *Ел ый ун ом больнаа* «Он человек большой» слово *больнаа* выражает качество, свойство предмета, названного существительным *ом*, т. е. *больнаа* выражает лексико-семантическое значение прилагательного.

Однако слово *больнаа* употребляется и самостоятельно, т. е. без существительного (*Болнавул с'а ынсэнэтошит* «Большой выздоровел», *Медикул л-а визитат пе больнаа* «Врач посетил больного» и т. д.). В данных случаях слово *больнаа* уже не определяет качества какого-либо предмета, а непосредственно называет предмет, имеющий то или иное качество. Иначе говоря, в данных примерах слово *больнаа* выражает значение существительного точно так же, как и любое другое существительное. Оно приобретает основное лексико-семантическое значение существительного — предметность и называется самостоятельным предметом, охарактеризованный с точки зрения его доминирующего качества, или же выражает определенное качество, представленное как самостоятельное понятие.

Кроме того, при переходе прилагательного в существительное происходит процесс сужения и конкретизации лексико-семантического значения имени прилагательного. «Образование существительных от прилагательных, — писал А. А. Потебня, — состоит в переходе от того состояния мысли, когда качественное имя прилагается к разнородным вещам, служа только непосредственным или предикативным атрибутом к тому состоянию, когда оно начинает прилагаться лишь к одной вещи или к многим, но однородным и становится субъектом или объектом»².

В молдавском языке прилагательное выражает какой-либо признак или свойство, которое, обычно, может относиться к самым различным предметам. Так, прилагательное *больнаа* может относиться и к людям (*ом больнаа* «больной человек»), и к животным (*кал больнаа* «Больной конь»), и даже к абстрактным понятиям (*нелучирь больнаа* «нездоровые иллюзии»). При переходе в существительные *больнаа* сужает свое значение и относится почти исключительно к людям. Такой процесс сужения и конкретизации лексико-семантического значения слова происходит в ряде прилагательных, перешедших в существительные: *сэтул* «сытый», *фляммыд* «голодный», *богат* «богатый», *сэрак* «бедный» и др. Например: *Богатул ну креде ничодатэ челуей сэрак, нич сэтулул челуей фляммыд* (пословица) «Богатый бедного и сытый голодного не разумеет».

Слово *больнаа*, употребленное в качестве существительного, приобретает и все грамматические черты существительных. Как и у всех существительных, род и число становятся лексико-грамматическими категориями³. Так, в приведенном примере *Медикул л-а визитат пе больнаа* «Врач посетил больного» слово *больнаа* мужского рода единственного числа. Мы можем заменить данную форму словом женского рода единственного числа *больнаэ* (*Медикул а визитат-о пе больнаэ* «Врач посетил больную»), или формой мужского рода множественного числа *больнаэ* (*Медикул й-а визитат пе больнаэ* «Врач посетил больных»), или, наконец, формой женского рода множественного числа *больнае* (*Медикул ле-а визитат пе больнае* «Врач посетил больных»). Несмотря на то, что в данных примерах лексическое значение меняется, все же синтаксические отношения между словами остаются одними и теми же. И *больнаа*, и *больнаэ*, и *больнаэ*, и *больнае* являются прямыми дополнениями глагола-сказуемого *а визитат*.

Совершенно по-иному обстоит дело, если слово *больнаа* употребляется в качестве прилагательного, т. е. когда оно выполняет типическую и основную функцию всякого прилагательного — функцию согласуемого определяющего слова к имени существительному⁴. Ср., например, *Медикул л-а визитат пе товаришул больнаа* «Врач посетил больного товарища». В данном примере слово *больнаа* выполняет роль прилагательного, т. е. определяет качество существительного *товариш*. Теперь уже нет возможности заменить слово *больнаа* формами *больнаэ*, *больнаа*, *больнае*, потому что у прилагательного род и число зависят непосредственно от грамматических категорий определяемого существительного.

Паденные формы слова, употребляемого в функции существительного, становятся самостоятельными. Ср. *Еу л-ам визитат пе больнаа* «Я посетил больного», *Еу м'ам дус ла больнаа* «Я пошел к больному», *Еу вин дела больнаа* «Я иду от больного» и т. д. В имени-

¹ Известно, что акад. А. А. Шахматов разграничивал слова по частям речи прежде всего по синтаксическому принципу. Он писал: «... категория грамматическая познается в синтаксисе...» (А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 2-е изд., Л., 1941, стр. 420).

² А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, III, Харьков, 1899, стр. 72.

³ Ср. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 155.

⁴ См. В. В. Виноградов, Вопросы изучения словосочетаний, ВЯ, 1954, № 3, стр. 7.

тельным падеже слово *болнав* может употребляться в качестве подлежащего; ср. *Болнаеул с'а высэзтошит* «Большой выздоровел». В косвенных падежах оно играет роль различных второстепенных членов предложения; ср. *Диета болнавулуй ый аспрэ* «Диета больного строга». Как и любое существительное, *болнав* приобретает способность иметь определительные и поясняющие слова, выраженные как прилагательными, так и предложными конструкциями. Например: *Болнавий дин спитале ыс ынгри жиць ку мултэ муаре аминте де медичь* «Стационарные больные пользуются особой заботой врачей».

Сейчас, конечно, нельзя говорить о полной, стабильной, постоянной субстантивации и, значит, о конверсии в собственном смысле этого слова, рассматриваемой как «вид словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова»¹.

В приведенных примерах из молдавского языка наблюдается не только совпадение «основных» (изначальных) форм, но и абсолютное тождество всех форм прилагательного типа *болнав*, перешедшего в разряд существительных. Такие взаимоотношения между прилагательными и существительными в молдавском и румынском языках являются ярким примером так называемой «окказиональной» или синтаксической субстантивации². Окказиональность субстантивации доказывает и факт невозможности образования уменьшительной формы от слова *болнав*, употребленного как существительное, в то время как *болнавэюр* — уменьшительная форма от прилагательного *болнав*.

Такие примеры взаимоотношения между словами, употребляемыми как прилагательные, и словами, употребляемыми как существительные, не являются единичными в восточнороманских языках. Конечно, не все молдавские или румынские прилагательные могут играть двоякую синтаксическую роль и выражать значение двух частей речи (прилагательного и существительного), не претерпевая при этом никаких особых морфологических изменений. Только особая группа молдавских прилагательных с определенным лексическим значением имеет эту возможность.

Однако такие прилагательные, которые употребляются и в качестве существительных, составляя довольно продуктивную группу. Они относятся к названиям лиц по происхождению, по профессии, по социальному положению, по их внутреннему или внешнему признаку. Сюда относятся также названия животных по их внешнему признаку, цвету и т. д.

В эту категорию входят такие слова: *алб* «белый» (*албул окюлуй* «белок глаза», *албул оматулуй* «белизна снега»); *богат* «богатый», *болнав* «больной», *бэлан* «белый» (кличка лошади, собаки, вола), *бэтрын* «старый, старик», *векь* «старый» (*мулта ноулуй ымпотириа векюлуй* «борьба нового против старого»), *друмец* «прохожий, проезжий», *комсомолист* «комсомольский, комсомолец», *калэрец* «наезднический, наездник», *лат* «широкий, ширина» (*латул пынэий* «ширина полотна»), *лунг* «длинный, длина» (*лунгул насулуй* «длина носа»), *милитар* «военный», *негру* «черный, негр, чернота» (*а фаче албул негру ши негрул алб* «сделать из белого черное и из черного белое»), *пустуиу* «пустынный, пустой, пустыня», [*Дар ятэ дин пустиуры ун алб ыртеж кэ вине*] (В. Александри, Дан, кэпитан де плай), буквально: «Но вот из пустыни вихрь белый идет»), *сурд* «глухой», *сурдомут* «глухонемой», *трудитор* «трудящийся» [*Еу зыдеск ши ку фице зы креште о касэ ын лок де руинэ, кап сэ поатэ ынтр'ынса трэи т р у д и т о р и й де-о самэ ку мине*] (К. Ковдрия, Плата), буквально: «Я строю, и с каждым днем растет дом, вместо развалин, чтобы в нем могли жить такие же трудящиеся, как я»), *ынвэцат* «ученый», *ынвэцелент* «мудрый, мудрец» и др.⁴

Если можно говорить о том, что переход прилагательных в существительные носит зачастую временный, «окказиональный» характер, то это тем более относится к обратному процессу, т. е. к переходу некоторых существительных в категорию прилагательных. Такие примеры можно встретить преимущественно в поэзии, где следует их ин-

¹ А. Смирницкий, Так называемая конверсия..., стр. 24; ср. его же, По поводу конверсии в английском языке, стр. 12.

² Ср. Р. А. Левковская, О словообразовании и его отношении к грамматике, сб. «Вопросы теории и истории языка...», стр. 169; ср. также М. И. Немиров-ский й, указ. соч., стр. 61—63.

³ Во французском языке имеются специальные слова: прилагательное *vieux* «старый», существительное *vieillard* «старик».

⁴ В современном румынском языке субстантивируются и другие слова, которые в молдавском языке не выступают в этой функции. Ср. «*Sovieticii mi pricecean de se mă grămînt*» (M. Sadoveanu, Mitrea Cocor). «Советские люди не понимали, почему я волнуюсь» О возможности субстантивации некоторых прилагательных в румынской топонимике см. E. Petrovici, Etimologia toponimicelor *Doftana, Doftăna, Doftăneț, Doftănița* și a cuvîntului *dohot*, «Studii și cercetări lingvistice», t. V, № 1—2, 1954.

терпретировать в большинстве случаев как своего рода поэтическую вольность, так как они не получили широкого распространения в языке.

Как и у прилагательных вообще, у таких адъективированных существительных категории падежа, рода и числа не выражают уже самостоятельных отношений, а служат только средством выражения зависимой связи данного адъективированного существительного от определяемого им слова, например: «Ла аварул поате 'итра-вей, орь ла касэ кэмэтарэ» (Г. Асаки, Ла а мя пунгэ) «Ты попадешь, наверно, к какому-либо скряге или в росто-вщицкий дом»; «Сэ май привеск одатэ кымпия ынфлоритоаре, Че зытеле-мь копия ле ши албе ле-а пэсут Че аузи одатэ копия ле-а мь мурмураре Че жокурите-мь жуне, збурдаря мь-а вэзут» (М. Еминеску, Дин стрэин-эате) «Увидеть еще раз цветущее поле, которое вытало мои детские и светлые дни, слышало мой детский и лепет, видело мои юные игры, мою резвость».

В новой синтаксической функции и с новым лексико-семантическим значением такие адъективированные существительные входят полностью в словоизменительную систему прилагательных. Они приобретают возможность иметь степени сравнения. Такое использование встречается как в устном народном творчестве, так и у писателей, например: «[Чобанул молдован] Аре ой май мулте Мындре ши корнуте, Ши кай ын-эцац Ши кын май бэрбац» (Миориде) «[Молдавский чабан] имеет больше овец красивых и рогатых, обезженных лошадей и более храбрых собак»; «М'ам фэкут май бэрбат ши май ындрэзнец» (Дософтей — XVII в.) «Я стал более храбрым и более смелым». В современном румынском языке имеются и другие случаи употребления существительных в качестве прилагательных. Например: *hârtie elephant* «слоновая бумага», *hârtie smirghel* «наждачная бумага» и др.

Необходимо, однако, отметить, что такое использование существительных в определительной функции прилагательных является весьма ограниченным и носит зачастую архаический характер, а в современном языке совершенно «оказиональный».

Взаимоотношения по конверсии существуют не только между прилагательными и существительными. Они имеются также между существительными и глаголами.

В молдавском языке имеются две формы инфинитива¹: краткая инфинитивная форма (*a bate* «бить», *a лукра* «работать» и др.) и полная инфинитивная форма (*батере*, *лукраре* и др.). В течение долгого времени, вплоть до XIX в., обе инфинитивные формы выполняли глагольные функции: отрицательного императива (типа *ну фачере* «не делай», *ну дучере* «не неси» и др.), и сложных временных форм (например, у летописца XVII в. Гр. Уреке: «Винерь де диминяц ау ынченут а батере четатя»² «В пятницу с утра начал обстреливать крепость»). В некоторых устойчивых сочетаниях полная инфинитивная форма сохраняет и в современном языке свою глагольную функцию; ср., например, «Ымь ера акум а скэпаре де дынсул» (И. Крянгэ, Аминтирь) «Не знал, как отвязаться от него».

Кроме того, полная инфинитивная форма сохраняет свое глагольное значение в довольно редко употребляемых инверсированных формах настоящего времени условного наклонения. Такими формами выражается обычно какое-нибудь страстное желание, например:

кынтаре-аш «я бы пел»

кынтаре-ам «мы бы пели»

кынтаре-ай «ты бы пел»

кынтаре-ацэ «вы бы пели»

кынтаре-ар «он (она) бы пел (а)»

кынтаре-ар «они бы пели»

Полные инфинитивные формы употребляются также для выражения проклятия, в бранных выражениях типа: *фуре-ар ел ал дракулуй сэ фие* «будь он неладен»³ и др.

¹ Специфические черты инфинитива имеются в различных языках. Так, для русского инфинитива характерно преобладание глагольных свойств, вплоть до категории лица. «Инфинитив потенциально содержит в себе отношение к лицу...», — пишет акад. В. В. Виноградов («Русский язык», стр. 604). Что касается других языков, в частности романских, то инфинитив очень часто переходит при посредстве определенного артикля в разряд существительных.

² Ср. также у румынского писателя начала XIX в. Ион Будай-Деляну употребление полной инфинитивной формы вместо краткой формы инфинитива, вместо сослагательного и условного наклонений: «Unde norodul fără osăbire A vorbi și sfătui (= a sfătui) poate» «Где народ без особых различий может говорить и советоваться»; «Așa noi voind întăleptește A tocмire (= să tocмim) o dreaptă stăpînire» «Так как мы хотим по мудрому установить справедливое царство»; «Atunci numai și eu m-aș plecare (= m-aș pleca) La monarhia cea lăudată» «Тогда и я подчинился хваленной монархии» (J. Budai-Deleanu, Țiganiada, ed. J. Bucur, 1953, X, 25, 36, 83).

³ Ср. A. Rosetti, Grammaire de la langue roumaine, Bucarest, 1944, стр. 67.

Кроме этих случаев, составляющих исключение из общего правила, полная инфинитивная форма почти всех глаголов в современном языке целиком перешла в продуктивную категорию отглагольных существительных женского рода. Эта форма называет действия и состояния в предметном плане и очень часто утрачивает значение процесса, указывая на результат действия¹. Например: *лукраре* «работа», *крештере* «рост, выраживание», *ведере* «зрение, взгляд», *кладире* «здание, строительство» и т. п. при краткой инфинитивной форме *а кынта* «петь», *а лукра* «работать», *а креште* «расти», *а веде* «видеть», *а зыди* «строить» и т. д., сохранившей и поныне свои глагольные свойства.

Следует отметить, что перешедшие в разряд существительных некоторые полные инфинитивные формы могут иметь две формы для множественного числа, причем каждая имеет отдельное смысловое значение. Это ясно показывает, что данные слова полностью перешли в категорию существительных. Так, слово *мынкаре*, происходящее от глагола *а мынка* «есть, кушать» получило возможность иметь две формы множественного числа с разными конкретными значениями: 1) *мынкарь* как название действия; в данной форме чувствуется еще понятие глагольности. Ср. пословицу: *Доуэ мынкарь ну стрикэ* «Два раза поесть не мешает»; 2) *мынкарурь* «блюда»; в этой форме уже совсем не чувствуется понятия действия².

Так как в подобных примерах имеется полная субстантивация, то заметны и некоторые семантические сдвиги в значениях слова. Кроме того, перейдя в категорию существительных, субстантивируясь полностью, такие инфинитивные формы выступают как существительные и в отношении возможности образования уменьшительных форм и их сочетания с другими словами. Так, от *мынкаре* «еда» можно образовать уменьшительную форму *мынкарикэ*, а также субстантивированную предложную конструкцию *демынкаре*³ «еда, харчи», в свою очередь с уменьшительной формой *демынкарикэ* «харчишки».

В современном молдавском языке функцию существительной выполняет также корневая часть глагола⁴, включающаяся в парадигму определенной категории имен. Так образуется целый ряд отглагольных существительных. С точки зрения их морфологического оформления и распределения по родам данные существительные распадаются на две группы. Некоторые из них представляют корневую часть глагола без всякого морфологического оформителя, например: *а аузи* «слышать», *ауз* «слух»; *а кужета* «думать, мыслить», *кужет* «дума, мысль»; *а скымба* «менять», *скымб* «обмен»; *а сэрута* «целовать», *сэрут* «поцелуй»; *а ынгеца* «замерзать», *ынгец* «стужа, мороз» и др.

Вторую группу образуют отглагольные существительные, входящие в разряд существительных женского рода и оформленные окончанием -э, например: *а лэуда* «хвалить», *лауд-э* «хвала»; *а руга* «просить», *руг-э* «просьба, молитва»; *а уры* «ненавидеть», *ур-э* «ненависть» и др.

Добавление окончания -э к корню глагола приводит иногда к фонетическим изменениям самого корня, например: *а гони* «гнать, преследовать», *гоанэ* «погоня, преследование, охота»; *а се teme* «бояться», *тямэ* «боязнь» и т. д.

¹ В других романских языках также имеет место субстантивация инфинитива. В испанском языке инфинитив субстантивируется с артиклем мужского рода: *el hablar* «говорение, речь», ср. молд. *ворбуире*; *el saber* «знание», ср. молд. *цитире* «знание», «известие»; мн. число *los placeres* «удовольствия, наслаждения», ср. молд. *плэчере* «удовольствие»; мн. число *los cantares* «песни», ср. молд. *кынтаре* «песня». В португальском языке: *o escrever* «писание», ср. молд. *скриере*; *o fallar* «говорение», ср. молд. *ворбуире*; мн. число *os prazeres* «удовольствия», ср. молд. *плэчере* «удовольствие»; *os cantares* «песни», ср. молд. *кынтаре* «песня». В итальянском языке *Lo scrivere* «писание», ср. молд. *скриере*, *il leggere* «чтение», ср. молд. *цитире*. Примеры из испанского, португальского и итальянского языков позаимствованы у М. Я. Немирова, см. указ. соч., стр. 65. См также: Н. Е. Фролова, Субстантивация инфинитива как один из способов словообразования в современном испанском языке. Автореф. канд. дисс., Л., 1953; Ю. А. Карулин, Субстантивация инфинитива в современном итальянском языке. Автореф. канд. дисс., М., 1953; А. Андриеску, Numirea acțiunilor prin infinitive lungi substantivate în terminologia științifică și tehnică, «Limba română», 1954, № 3. О переходе инфинитива в существительные вообще в романских языках см.: F. Diez, Grammaire des langues romanes, 3-e éd., t. III, Paris, 1876, стр. 199 и сл.; W. Meyer-Lübke, Grammaire des langues romanes, t. II, Paris, 1895, стр. 173 и сл.

² Ср. I. Fischer, Unele probleme ale formării cuvintelor în limba română, «Studii și cercetări lingvistice», t. V, № 3—4, 1954, стр. 304.

³ Соотношение между остатком глагольного значения и значением предметности выявляется довольно ярко в таких параллельных конструкциях: *а дуче де мынкаре* «нести поесть»; *а дуче демынкаря* «нести еду».

⁴ В латинском языке, особенно в народной латыни, корневая часть глаголов также могла быть использована в качестве существительных. Например, *pugnare* «биться» — *pugna* «бой, борьба»; *probare* «испытывать» — *proba* «испытание» и др. (см. Э. Бурсье, Основы романского языкознания, М., 1952, стр. 166).

Таким образом, в истории молдавского глагола имело место выделение некоторых форм из глагольной системы и превращение их в самостоятельные слова, выражающие лексико-семантическое значение предметности.

Рассматривая вопрос о переходе некоторых глагольных форм в разряд существительных, мы видим, что в данном случае речь идет уже не о совпадении абсолютно всех форм данных частей речи, как это было в случае взаимоотношения между прилагательным и существительным. Так, с одной стороны, мы имеем глагольные формы изъявительного наклонения настоящего, прошедшего, будущего времени (*кынт, кынтам, вой кынта*), глагольные инфинитивные формы (*а кынта, кынтаре*), а с другой стороны, падежные и родовые формы, формы числа существительных (*кынтаре, кынтаря, кынтарий, кынтарице*) и т. д. Значит, своими основными и изначальными формами глагол и существительное входят в парадигму как одной, так и другой части речи, но затем они резко расходятся и по своим морфологическим свойствам, и по синтаксическому использованию, а также, конечно, по лексико-семантическому значению.

Кроме того, субстантивированная глагольная форма, включаясь в систему существительного, утрачивает глагольные категории лица, времени, наклонения, залога и т. д. и приобретает свойственные существительному категории рода и падежа. Что касается грамматической категории числа, то, как и у всех существительных, у субстантивированных глагольных форм число выражает другие отношения, чем эта же категория у глаголов. А с точки зрения лексико-семантического значения эти субстантивированные глагольные формы выражают предметность, обозначение предметов окружающей нас действительности.

*

В молдавском языке наречие также может перейти в категорию существительных. При субстантивации наречие становится изменяемой частью речи, принимает артикль и т. д., т. е. связывается с другими словами таким же образом, как и существительное, например, «Бинеле-й мемуритор Рэул есте трекатор... Кэосында бинелуй Кадейнапул рэулуй» (Ем. Буков, Андриеш) «Добро бесмертно, зло преходяще... Ибо проклятие со стороны добра падает на голову зла».

Не только наречие образа действия, но и наречия времени, места и др. могут выполнять в определенных контекстах функцию существительного. Необходимо, однако, отметить, что данный способ образования существительных из наречий не продуктивен в молдавском языке. Однако обратный способ словообразования, т. е. образования наречий из существительных, является довольно продуктивным. Можно сказать, что одной из характерных черт грамматического строя молдавского (и румынского) языка является тот факт, что форма существительных женского рода с определенным артиклем, выражающая временное значение, употребляется в качестве наречия времени. Ср. *тоамна* «осенью», *диминяца* «утром», *зюа* «днем», *лунь* «по понедельникам» и т. д.¹

Характерной чертой такого перехода существительного в наречие является то, что эти формы отрываются от системы форм соответствующих существительных (*тоамна, диминяца, зюа, лунь* и т. д.) и превращаются в самостоятельные слова с определенными грамматическими свойствами и лексико-семантическим значением. Морфологически эти слова, как и все наречия, характеризуются своей неизменяемостью, и этим самым они отличаются от изменяемых слов того же корня (*тоамна, тоамней* и т. д.).² Что касается синтаксического использования, то адвербиализированные слова выполняют обстоятельственную функцию. Со стороны смыслового значения они являются словами, указывающими на признак действия, на внешние условия, при которых осуществляется действие, выраженное глаголом.

Для выражения обстоятельственных отношений существительные могут получить в молдавском (и румынском) языке и другую морфологическую оформленность, а именно — форму именительного падежа единственного числа без артикля. Такие существительные выполняют роль наречий образа действия и встречаются преимущественно в устойчивых сочетаниях как при глаголах, так и при прилагательных, например: *а dormi буштян, а рэмыне балта, ынвещат бокна, сэнэтос тун, урыт фок* и др. По всей вероятности, эти конструкции берут свое начало в сравнительных оборотах типа

¹ Употребление артикулированного с определенным артиклем беспредложного существительного в качестве наречия времени характерно и для других романских языков, в частности для французского. Ср. пример: *Je travaille le matin, la nuit je dors* «Я работаю днем, ночью я сплю» (см. О. И. Богомолова, Современный французский язык, М., 1948, стр. 96). Через посредство старофранцузского языка такая конструкция восходит к латинскому *accusativus temporis* (например, *bestiolae quaedam unum diem vivunt* «Некоторые насекомые живут один день») и к латинскому *ablativus temporis* (например, *nocte* «ночью», *vērē* «весною» и др.) (см. С. И. Соболевский, Учебник латинского языка, М., 1953, стр. 99—100).

² Ср. А. И. Смирницкий, Так называемая конверсия...

a dormi ca un buștină «спать как пень», *a ramine ca o balță*, буквально: «остаться как болото», *vinecat ca o boacă* «замерзший как дубок», *săntos ca un tun*, буквально: «здоровый как пушка», *urit ca focul*, буквально: «некрасивый как огонь» и т. д.¹

Употребляясь в качестве наречия, беспредложное существительное без артикля приобретает грамматические свойства наречия: оно теряет свою способность изменяться по падежам и не может определяться прилагательным. Посредством примыкания такое адвербиализированное существительное выступает в качестве пояснительного слова при глаголах, прилагательных или других наречиях. Таким образом, и сейчас можно говорить о полной, постоянной или лексической конверсии, так как одна из форм указанных слов прочно адвербиализировалась и превратилась полностью в наречие.

*

Как явствует из приведенного материала, вопрос о конверсии в молдавском (и румынском) языке не может быть поставлен в одной плоскости, в одном плане для всех частей речи. Переход той или иной части речи из одного разряда в другой имеет свое своеобразие, свои специфические черты. Если иметь в виду одну из разновидностей конверсии — субстантивацию, то она хотя и представляет собой общее явление для всех частей речи, но вместе с тем каждая из них имеет и свои специфические особенности.

Общее для перехода всех частей речи в разряд существительных — это оформление перешедших слов при посредстве артикля. Для романских языков, особенно для молдавского и румынского, грамматическая категория артикля является одной из самых активных и характерных². Поэтому нельзя говорить о субстантивации какой-либо части речи без ее соотношения с категорией артикля. Широкое распространение явления субстантивации в молдавском и румынском языках следует, видимо, объяснять тем, что артикль широко применяется и играет такую активную роль в грамматической системе этих языков³.

Некоторые слова вообще не могут употребляться без артикля в качестве существительных, именно артикль и указывает на их переход в новый грамматический разряд. Кроме того, часть из этих слов используется только с определенным видом артикля. Наречие места *aproape* «близко» субстантивируется только при посредстве определенного артикля: *aproapele* «ближний», а субстантивация целого синтаксического комплекса возможна только при посредстве неопределенного артикля: *un la-mă-mamă* «мямля», *un zgryrie-brânză* «скупец», *o nu-mă-uita* «незабудка» и т. д.

Переход прилагательных в существительные характеризуется в первую очередь тем, что морфологически прилагательное не претерпевает никаких изменений. Форма прилагательного совершенно тождественна с формой существительного в любом соответствующем падеже, роде и числе. Прилагательное включается в парадигму существительного не только своей основной формой, но абсолютно всеми своими формами. Объяснять этот факт, видимо, надо тем, что обе эти части речи входят в категорию имен и весьма близки по своим грамматическим свойствам⁴. В связи с этим не исключена возможность и обратного перехода, т. е. существительных в прилагательные. Правда, такие случаи весьма ограничены, но все же имеются.

Нельзя сказать то же самое о взаимоотношениях между существительными и другими частями речи: глаголом, наречием и др. Глагол имеет свои особые грамматические категории: время, наклонение, лицо, залог и т. д., а существительное — категорию падежа, рода. Категория числа присуща как глаголу, так и существительному, однако она имеет у каждой из этих частей речи свои особенности. Поэтому при переходе определенных глагольных форм в разряд существительных имеется омонимия только в отношении отдельных форм, и глагольные формы в целом весьма четко отграничиваются от соответствующих форм существительных. Кроме того, если в современном молдавском языке и имеются полные инфинитивные формы, которые выполняют и глаголь-

¹ Имеется в восточно-романских языках и обратный процесс, когда неизменяемое слово-герундий субстантивируется. В этом случае, конечно, оно приобретает изменяемость по падежам и числам. Например, рум. *intrînd* «ниша», мн. число *intrînduri*. Одновременно имеет место и семантическая переосмысленность этой лексической единицы.

² Не говоря уже о том, что в молдавском (и румынском) языке имеются четыре вида артикля (определенный, неопределенный, прономинальный и адъективный), в то время как во французском их три, а в остальных романских языках лишь два, и частотность употребления этой грамматической категории в восточно-романских языках на много значительнее, чем в других романских языках.

³ В других языках, в грамматическом строе которых имеется категория артикля, явление субстантивации также имеет широкое распространение, но все же не в такой степени (см.: М. Я. Н е м и р о в с к и й, указ. соч., стр. 65—67; И. И. Т о л с т о й, К семантике гомеровского артикля, ИАН ОЛЯ, 1954, вып. 4).

⁴ См. М. Я. Н е м и р о в с к и й, указ. соч., стр. 68—69.

ные функции, то это лишь как определенный результат исторического развития молдавского языка. А вообще полные инфинитивные формы, как и корневая часть глагола, целиком перешли в грамматическую категорию существительных как с грамматической, так и с лексико-семантической точки зрения.

Противопоставление существительного и наречия, когда идет речь о взаимопереходе этих частей речи, заключается в неизменяемости наречия и способности существительного изменяться по падежам, числам и родам. Если в составе наречия имеется застывшее падежное окончание (флексия), то оно уже не выражает различных отношений между данным словом и другими словами в предложении, а входит в состав основы адвербиализованного слова.

Конверсия в восточнороманских языках — весьма сложное явление. Она должна быть изучена также и со стороны ее исторического происхождения и развития. Такое широкое историческое исследование даст, несомненно, свои результаты как для изучения специфики романских языков, так и для выяснения некоторых вопросов общего языкознания.

Н. Г. Корлякову

ПРЕДИКАТИВНО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ В НАНАЙСКОМ И ДРУГИХ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

Во всех тунгусо-маньчжурских языках имеется особая предикативно-притяжательная форма имен, при помощи которой может быть выражен признак предмета по его принадлежности другому предмету. Образуется эта форма суффиксальным путем от существительных, чаще всего — от названий людей, животных, человеческих коллективов, организаций, учреждений, населенных пунктов. При помощи тех же формантов образуется имеющая аналогичное грамматическое значение форма от личных и возвратных, а также замещающих их вопросительных местоимений. Для всех языков этой группы обе подлежащие рассмотренные формы имеют, несомненно, общее происхождение, но несколько варьируются в употреблении, причем вариации эти, как правило, не выходят за пределы вполне допустимых различий внутри одной грамматической категории.

Одни из специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам считают эти формы словообразовательными, образующими от имен существительных притяжательные прилагательные, а от местоимений — самостоятельные притяжательные местоимения, другие же рассматривают их как словоизменительные формы имен существительных и местоимений. Одна из задач настоящей статьи — показать предпочтительность второй точки зрения¹.

Предикативно-притяжательная форма в нанайском языке регулярно образуется от существительных и местоимений предметного значения путем присоединения к ним суффикса *-нги*.

У имен существительных суффикс *-нги* обычно присоединяется к основе, материально совпадающей с формой именительного падежа (а также беспадежной формой) единственного числа, например: *найнги* «человечий, человека (принадлежит человеку), чужой», *маманги* «старухин, старухи (принадлежит старухе)», *Петинги* «Петин, Пети (принадлежит Пете)», *унданги* «собачий, собаки (принадлежит собаке)», *солонги* «лисий, лисы (принадлежит лисе)», *колхозанги* «колхозный, колхоза (принадлежит кол-

¹ Материал по интересующему нас вопросу имеется в следующих опубликованных работах: В. Г. Богораз, Материалы по ламутскому языку, «Тунгусский сборник», I, Л., 1931; А. Ф. Бойцова, Категория лица в эвенкийском языке, М.—Л., 1940; И. Захаров, Грамматика маньчжурского языка, СПб., 1879; О. А. Константинова и Е. П. Лебедева, Эвенкийский язык, Л., 1953; W. Kotwicz, Les pronoms dans les langues altaïques, Kraków, 1936; P. G. Möllendorff, A Manchu Grammar, Shanghai, 1892; К. М. Мыльникова и В. И. Цинциус, Материалы по исследованию негидальского языка, «Тунгусский сборник», I, Л., 1931; Т. И. Петрова, Очерк грамматики нанайского языка, Л., 1941; Т. И. Петрова, Ульчский диалект нанайского языка, Л., 1936; G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, II — Formenlehre, Helsinki, 1952; О. П. Суник, О посессивных аффиксах и родительном падеже в тунгусо-маньчжурских языках, сб. «Язык и мышление», XI, Л., 1948; В. И. Цинциус, Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка, Л., 1947; В. И. Цинциус, Очерк морфологии орочского языка, «Ученые записки ЛГУ», Серия востоковедческих наук, I, 1949; Е. Р. Шнейдер, Краткий удэиско-русский словарь, Л., 1936.